

ДЕРБИШЕВА З.К.
Бишкек, Киргизия
zamira.derbisheva@manas.edu.kg
DERBISHEVA Z.K.
Bishkek, Kyrgyzstan

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КОГНИТИВНО-МЕНТАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ РУССКОЙ ГРАММАТИКИ

THE LINGUODIDACTIC ASPECT OF THE COGNITIVE-MENTAL FEATURES OF RUSSIAN GRAMMAR

Аннотация. При обучению языку как неродному и как иностранному в традиционной практике основное внимание уделяется вопросам усвоения формально-структурных основ языка, таких как: склонение, спряжение, образование грамматических форм, типов предложений. Семантические аспекты изучаемых единиц зачастую остаются на втором плане, они используются как сопутствующие, факультативные факторы. Тогда как именно семантика языковых единиц является эффективным подспорьем при обучению языку. Студентам необходимо разъяснить, что каждый язык отражает в своем строе миропонимание народа, его взгляд на мир. С этой точки зрения при изучении русского языка следует обратить внимание на такие когнитивно-ментальные черты, как эгонейтральность, ласкательность и глагольную изобразительность.

Ключевые слова: русский язык, когнитивно-ментальное свойство, эгонейтральность, ласкательность, изобразительность.

Annotation: When teaching a language as a non-native and as a foreign language in traditional practice, is paid attention to the issues of mastering the formal and structural foundations of the language, such as: declension, conjugation, the formation of grammatical forms, types of sentences.

The semantic aspects of the studied units often remain in the background, they are used as accompanying, optional factors. Whereas it is the semantics of linguistic units that is an effective aid in teaching a language. Students need to explain that each language reflects in its structure the world outlook of the people, their view of the world. From this perspective, when studying the Russian language, one should notice to such cognitive-mental traits as, egonetrality, affectionateness and verbal depiction.

Key words: Russian language, cognitive-mental property, egonetrality, affection, depiction.

Язык не является набором грамматических и лексических единиц или совокупностью правил, необходимых для общения. Овладение языком с целью общения не означает только освоение неких теорий и моделей. Овладение языком – это прежде всего понимание, так как

любой язык является продуктом мыслительных процессов говорящих на нем людей. Именно по этой причине язык, это не статичная система, а самый настоящий живой организм, который впитывает в себя знания о мире.

В отечественной теории и практике обучения иностранному языку принципы активности и сознательности являются ведущими и основополагающими дидактическими принципами, то есть изучение языка должно происходить осознанно, а понимание является важнейшим компонентом процесса его усвоения. Однако в исследованиях процесса изучения иностранного языка понимание в основном выступает как итог или показатель усвоенности материала, а не как необходимое условие его успешного усвоения. Прежде всего, это относится к изучению такой важнейшей сферы как грамматика иностранного языка. Традиционно изучение грамматического явления опирается на заучивание его форм, то есть на работу памяти. (Заступова Ю.А. 2005)

Лингводидактика предусматривает взаимодействие нескольких самостоятельных и вместе с тем взаимосвязанных научных дисциплин: методику, лингвистику, педагогику, психологию, психолингвистику; представляет собой лингвистическую базу обучения иностранным языкам во взаимосвязи с перечисленными научными дисциплинами. Можно сказать, отношение между лингводидактикой и этими научными дисциплинами есть отношение между теорией и практикой (Шаклеин с 22). При обучении грамматике языка преподавателю следует учитывать, что грамматический строй выступает в роли определенного органа, выражающего особенности мыслительных процессов носителей в большей мере, чем лексика, потому что именно грамматика языка дает базовую модель концептуализации и интерпретации мира

Именно поэтому подход к изучению грамматики в рамках коммуникативного метода должен быть пересмотрен с когнитивной точки зрения. Нельзя забывать о том, что человек, изучающий иностранный язык, изучает, в первую очередь, иностранное мышление, а овладение иностранным мышлением и является, на наш взгляд, основой формирования иноязычной коммуникативной компетенции.

В нашей статье грамматические категории безличности, диминутивности, аспектуальности будут рассмотрены в когнитивном, точнее в антропоцентрическом аспекте.

Язык, как и человек, имеет свое особенное лицо, свой особенный характер. Уникальность языка можно обнаружить не только в формальном строении языка, но и в его внутреннем семантическом контенте, который отражает языковое видение мира носителей языка. Антропоцентрический подход к русскому языку позволил обнаружить характерные для него когнитивно-ментальные черты, пронизывающие все уровни языковой системы. Такие свойства, как эгонейтральность, положительная эмотивность, изобразительность, составляют исключительное своеобразие русского языка (Дербишева). Эти свойства составляют когнитивно-ментальную основу таких грамматических категорий, как безличность, диминутивность и аспектуальность. Когнитивно-семантический подход в изучении языка дает возможность определить основные ментальные доминанты, которые организуют систему русского языка как единый культурно-коммуникативный феномен. Данный подход позволяет обнаружить смысловые константы бытия человека, которые участвуют в формировании языковой картины мира русского народа. К когнитивно-ментальным свойствам русского языка считаем возможным отнести следующие признаки:

Эгонеutralность;
Ласкательность;
Изобразительность;

Эти доминанты охватывают разные части языковой системы - как лексику, так и грамматику.

Когнитивно-ментальная черта «Эгонеutralность».

Под понятием эгонеutralности мы подразумеваем явление, противоположное эгоцентризму как типу познания, где в центре восприятия и мышления находится сам индивид. С точки зрения эгонеutralности фокус познания смещается с позиции индивида на его состояние, на процесс, которому он подвергается, на ситуацию, которая оказывается более значимой и др.

Признак эгонеutralности как одна из ведущих черт русского языка рассматривается в связи с категорией безличности. В исследованиях последних лет категория безличности часто интерпретируется через призму антропоцентрического подхода (Вежбицкая, Тарланов, Тер-Минасова, Копров и др.).

Активная роль

Я думаю

Я хочу

Я боюсь

Я не хочу спать

Я не верю

Я не могу работать

Я не помню

Пассивная роль

Мне думается

Мне хочется

Мне страшно

Мне не спится

Мне не верится

Мне не работает

Мне помнится

По мнению С.Г. Тер-Минасовой, одной из причин распространенности категории безличности, имперсональности, неагентивности русского языка может быть коллективизм менталитета его носителей, стремление не представлять себя в качестве активного действующего индивидуума, желание снять с себя ответственность за происходящее. [13: 528-529].

Анна Вежбицкая связывает категорию безличности с такой чертой русского национального характера, как склонность к фатализму. Это качество она формулирует следующим образом: «Неагентивность— ощущение того, что людям не подвластна их собственная жизнь, что их способность контролировать жизненные события ограничена; склонность русского человека к фатализму, смирению и покорности; недостаточная выделенность индивида как автономного агента, как лица, стремящегося к своей цели и пытающегося ее достичь, как контролера событий» (Вежбицкая, 1996, с. 34).

В своей работе мы предлагаем несколько иначе взглянуть на категорию безличности в русском языке. Для этой цели вводится понятие эгонеutralности, которое, на наш взгляд, в противовес языковому эгоцентризму, свойственному западноевропейским языкам (а также тюркским языкам), более точно раскрывает ментальные основы русской грамматики. Сущность эгонеutralности заключается в том, что в русском языке позиция лица-субъекта намеренно понижается в формально-языковом статусе для того, чтобы сосредоточить внимание на процессе, на состоянии, на ситуации. Такое свойство языка можно объяснить с точки зрения континентальной типологии, которая изучает характер передачи субъектно-

объектных отношений в языке. Все языки по оппозиции синтаксических конструкций условно можно разделить на «иметь»-языки и «быть»-языки. Первые языки выражают идею обладания особым глаголом типа иметь, то есть приравнивают обладание к активному действию (такому, как, например, брать, держать). В этих языках преобладают предложения, буквальный перевод которых таков: Я имею кошку. Я имею брата. Я имею немного денег. К таким языкам относится большинство европейских – английский, немецкий, французский – языков. Второй тип языков приравнивает обладание к свойству или местонахождению (что-то где-то есть, что-то у кого-то есть), напр.: У меня есть кошка. У меня есть брат. У меня есть немного денег. Русский язык относится ко второму типу языков [9].

Показательно то, что принцип эгонеитральности широко реализуется в грамматической системе русского языка, что свидетельствует о лингвокогнитивной значимости этой категории. Ведущую позицию в грамматической системе русского языка в плане выражения эгонеитральности занимают безличные предложения. По мнению А.М. Пешковского: «Термины «безличный» глагол и «безличное» предложение очень неточны, так как полной безличности в сказуемом вообще быть не может... И действительно, вдумываясь в значение безличных глаголов, мы все-таки откроем в них следы третьего лица» [10: 306]. Мы придерживаемся этой позиции А.М. Пешковского, и считаем, что неагентивность не отражает сущности безличных и бесподлежащих предложений. В них однозначно присутствует лицо, но в разных грамматических ипостасях, или, по крайней мере, в виртуальном виде.

Собственно безличные предложения (Светает);

Слова категории состояния (Ей холодно);

Страдательные конструкции с пассивным значением (Везде перекопано).

Модальные инфинитивные конструкции (Следует прислушаться);

В русском языке есть еще одна достаточно употребительная конструкция, которая является весомым аргументом в подтверждение эгонеитральности русского языка, а именно, это этикетная формула «Как тебя/Вас зовут?», также имеющая форму безличного предложения. Во многих языках этот вопрос звучит так: Как твое имя? или Как ты именуешься? В русском языке фокус перемещен на позицию третьего, точнее обобщенного лица, от обращения которого определяется наречение именем.

Свойство эгонеитральности русской грамматики затрагивает также формы прошедшего времени и сослагательного наклонения, которые в отличие от многих западных и тюркских языков, не маркированы грамматическими показателями лица. Для выражения лица для форм читал, читал бы в русском языке «привлекаются» личные местоимения. Ср.: я читал//читал бы, ты читал//читал бы, он читал/читал бы.

Итак, многие факты русской грамматики считаем возможным объяснить с точки зрения понятия эгонеитральности, которая раскрывает роль и характер субъекта в русских конструкциях и дает право отнести эту особенность к когнитивно-ментальным свойствам русского языка.

Когнитивно- ментальная черта «Ласкательность»

Всемирная гуманитарная наука накопила огромный багаж знаний об эмоциональном мире человека. Так, уже не вызывает сомнения, что эмоции включены в структуру сознания и мышления, что они сопряжены с когнитивными процессами... [14]. Некоторые

особенности русского характера - эмоциональность, доброта, потребность в ласке, способность к сопереживанию - находят отражение в фактах русского языка.

Такое когнитивно-ментальное свойство как «Ласкательность» является составной частью категории «Эмотивная экспрессивность», которая проявляется не только с положительной, но и с отрицательной коннотацией (инвективы). То есть в таком случае категория ласкательности противопоставляется категории инвективности, представленной бранной лексикой, деривативами с уничижительной оценкой и т.д.).

Языковой характер категории ласкательности очевиден: существуют узуальные разноуровневые языковые средства, обладающие свойством положительной эмотивности. Одним из доказательных языковых уровней, представляющих категорию эмотивности в русском языке, является деривационный уровень, изобилующий богатой системой диминутивов, которые используются в двух прагмалингвистических и одной характеризующей функциях:

Вокативы-обращения;

Деривация номинаций предметов повседневного обихода;

Для выражения отношения.

1. В качестве вокативов диминутивы имеют в русском языке самую высокую степень употребительности. Ласковые обращения используются по отношению к детям, родителям, близким людям. Ср.:

Мамуля, мамочка, мамуся, доченька, дочурка, сыночек, сынуля, бабуля, бабуся, бабусенька, бабуленька, дедушка, деда, дедуля, дедуленька, солнышко, ангелочек, зайчик, зайнышка, зайчонок, зайка, зая, заюшка, котик, котенок, котенок, цыпленок, лапочка, лапуля, красотища, голубка, кисуля, лучик, малышка и др.

2. Деривация номинаций предметов повседневного обихода

Для русской речи характерно уникальное свойство, то есть вкладывать положительную эмоцию в самую обычную обиходно-бытовую лексику. И это является характерным не только для близкого общения, но и для незнакомой социальной среды. Высокая степень употребительности диминутивов для слов с предметным значением свидетельствует о том, что русский человек в коммуникации с близким или незнакомым собеседником задает доброжелательную установку. Диминутивы при этом выражают не просто размер называемого предмета, в них прежде всего превалирует положительная коннотация, выражающая душевность, позитивный (дружелюбный) настрой говорящего. Ср.:

При назывании продуктов питания: творожок, сырок, капустка, картошечка, рыбка, маслице, водичка, колбаска, ветчинка, курочка, булочка, грибочки, конфетка, шоколадка;

При назывании блюд: кашка, супчик, котлетка, борщик, хлебушек, омлетик.

При назывании явлений природы: снежок, дождик, ветерок, тучки, солнышко;

При назывании растений: цветочек, травка, листочек, елочка, березонька, рябинушка; при назывании птиц и животных: синичка, соловушка, воробышек, паучок, жучок, мышонок, белочка, собачка, щеночек, кутенок;

При назывании предметов быта: книжечка, открыточка, конвертик, коробочка, коробок, стаканчик, кастрюлька, тарелочка, чашечка, ложечка, вилочка, полотенчико, простынка, одеяльце, перинка, подушечка, веревочка, денежки;

При назывании частей тела ребенка: головка, глазки, носик, ушки, ротик, губки, ножки и т.п.

3. Уменьшительно-ласкательные суффиксы используются в деривации прилагательных при выражении:

эмоционального отношения к человеку используются прилагательные с уменьшительно-ласкательными суффиксами: родненький, миленький, чудненький, сладенький, хорошенький и др.

характеристики свойств, качества объекта: мягонький, тепленький, сладенький, вкусненький, пухленький, беленький, синенький, коротенький, длинненький, прохладненький, свеженький, чистенький, светленький, темненький, голубенький, умненький, глупенький, хорошенький и т.д.

Изучив уменьшительные формы прилагательных на -еньк на материале русской прозы, А. Вежицкая приходит к выводу, что они могут передавать очень широкий спектр чувств: восторг, очарование, привлекательность, жалость, интерес и др. Поскольку прилагательные с суффиксом -еньк очень часто встречаются в русской прозе и в русской бытовой речи и поскольку их сфера употребления необычайно широка, они в значительной мере определяют общую эмоциональную окраску и тональность русской речи. То, какое именно чувство передается, зависит каждый раз от контекста, но в целом эмоциональная температура текста весьма высокая она гораздо выше, чем у английского текста, и выше, чем в других славянских языках[2: 33-88].

Этот пласт языковых единиц можно продолжить, это открытый класс слов в русском языке. И надо сказать, что благодаря их высокой употребительности как в письменном, так и в устном дискурсе, можно утверждать, что они раскрывают одну из важных сторон русского менталитета, а именно добрый душевный посыл, сердечность русского человека, позитивное восприятие мира.

Когнитивно- ментальная черта «Изобразительность»

Изобразительность как когнитивно-ментальное свойство русского языка относится, прежде всего, к глагольному классу и выражается в системе русского языка словообразовательными разрядами способов действия в рамках категории аспектуальности [5]. Глагольная изобразительность не только осознается, но и реально функционирует в сознании русскоговорящих, так как легко применимо к описанию актуальной ситуации и актуального положения вещей для носителя языка.

По мнению Е.Н. Ремчуковой: «способность русского глагола аккумулировать аспектуальную информацию, “изоощренно” фиксируя тончайшие оттенки характера протекания действия, является, безусловно, одной из самых ярких красок в палитре лексико-грамматических средств русского языка» [11: 190].

Способы глагольного действия (СГД) выражают различную манеру осуществления действия, то есть каждый СГД отражает многоаспектные нюансы протекания действия, исходя из чего можно говорить об изобразительной способности русского глагола. В орбиту семантических изменений глагольного действия включаются такие сферы, как измерение действия во времени, фазовая детерминация, изменение пространственной траектории движения, различная степень и мера проявления действия.

СГД со значением начала действия: запеть, зашуметь, застучать, зашагать, побежать, вспылать, зазеленеть, засиять, замелькать и др.

СГД со значением прекращения действия: отобедать, отгулять, отцвести, отработать, отучиться, отболеть, отшуметь и др.

СГД со значением временного ограничения действия: постоять, побегать, пробегать, погостить, поработать и др.

СГД со значением распределения действия: позакрывать, перемышть, пораскидать, понаоткрывать и др.

СГД со значением расчленённости действия: переловить, переломать, побросать, повыгонять и др.

СГД со значением результата действия: дочитать, дописать, достирать, доиграть.

СГД со значением повторного действия: переделать, перевоспитать, перекроить, пересеять и др.

СГД со значением прерывистого действия: побаливать, покашливать и др.;

Сопроводительное значение характерно для глаголов: подыграть, подпеть, подсвистеть, пританцовывать и т.д.).

СГД со значением чрезмерности действия: перекормить, переварить, пережарить, перепить обкормить; закормить, зачитать, расхвалить и т.д.;

СГД со значением истощающего действия: высахарить; пропарить, прожарить, просушить, промерзнуть; иззябнуть, начитаться, настрадаться набегаться, нагоститься, насидеться, наслушаться и т.п.

СГД со значением интенсивного действия: замучиться, измаяться, иссохнуть; разругаться, разругаться, раскраснеться, забегаться, заждаться, замечаться, заработатьсь; заиграться, зачитаться.

СГД со значением небольшой меры действия: помазать, попудрить, поотвыкнуть, попривыкнуть, пообсохнуть, поразмяться; подмокнуть; притормозить, прилечь, приоткрыть, приподнять.

СГД со значением неполного, умеренного действия: привстать, подтаять, перекусить, всплакнуть, поразвлечься и т. п.

Способы глагольного действия, существуя в когнитивной базе носителей языка, широко функционируют в разговорной речи, участвуя в освоении новых глагольных слов и значений, позволяя выразить широкую палитру изобразительной манеры протекания действия при минимальном изменении внешней формы. Актуальность семантики того или иного «популярного» способа глагольного действия показывает ее важность для языкового сознания носителей русского языка. [12: 175].

Литература

1. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. - М: Русские словари, 1996. - С.33-88.
2. Дербишева З.К. Когнитивно-семантические доминанты русского языка // Русский язык за рубежом. Специальный выпуск. – Москва, 2017, сс.92-99.
3. Зализняк Анна А., Шмелёв А. Д. Введение в русскую аспектологию. — М.: Языки русской культуры, 2000. — (Studia philologica). — ISBN 5-7859-0170-6
4. Заступова Ю.А. Когнитивные факторы усвоения видовременных форм глагола при изучении английского языка в вузе – Автореф. канд. дисс. — Вологда, 2005.
5. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. - Москва, 1938.
6. Ремчукова Е. Н. Креативный потенциал русской грамматики. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. с. 190

7. Сидорова Е.Ю. О креативном потенциале способов глагольного действия в разговорной речи. Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2015. № 4 (46): в 2-х ч. Ч. II. С. 175

8. Тер-Минасова С. Г. «Я» и «Мы» в культурах и языках // Русское слово в мировой культуре. Материалы X Конгресса МАПРЯЛ. Санкт-Петербург, 30 июня – 5 июля 2003 г.

9. Шаховский В.И. Что такое лингвистика эмоций. // http://tverlingua.ru/archive/012/shakhovsky_03_12.htm

10. Шаклеин В.М. Русская лингводидактика: история и современность: Учеб. пособие. – М.: РУДН, 2008. – 209 с.

11. Электронный ресурс:
<http://lib4all.ru/base/B3560/B3560Content.php>
http://oplib.ru/istoriya/view/242572_sintaksicheskaya_tipologiya_yazykov

12. Аннинский Л.А. Русский человек на любовном свидании. – М.: Согласие, 2004. – 261 с.

13. Бенин В.Л. Вера как культурный и педагогический феномен // Культура и образование. – Уфа, 2004. – Вып. 6. – С. 3 – 24.

14. Чернявская Ю.В. Культура явная и скрытая: элементы, функции, ритуалы имплицитной культуры // Человек. – 2005. – № 4. – С.5 – 12.

15. Казанская Л.В. Пушкинские мотивы в творчестве Артура Лурье [Электронный ресурс]: Опыт музыкально-исторического исследования // Балт. сезоны: Интернет-альманах.

– 1999. – № 1. – Режим доступа: h